

Э. С. СМЕРНОВА

Житийная икона Александра Ошевенского из Кеми

Памятник, о котором пойдет речь в настоящей статье, дает возможность проследить взаимоотношение литературного произведения и живописного в нескольких аспектах. В Музее изобразительных искусств Карельской АССР в г. Петрозаводске хранится икона, найденная в Успенском соборе г. Кеми, куда она попала, очевидно, из какой-то другой церкви.¹ В средней части иконы представлены в рост Никола и Александр Ошевенский.² Вокруг — 16 «клеим» с изображением сцен Жития Александра Ошевенского. Судя по стилистическим признакам, икона написана местным, северным художником во второй половине XVII в.

Фигуры Николы и Александра в среднике исполнены в сухой и мелочной манере. Их размеры непропорционально малы по сравнению с большим пространством свободного фона. Главная роль в иконе принадлежит клеймам, образующим вокруг средника широкую и нарядную раму.

Их сюжетная основа — Житие Александра Ошевенского, составленное в 1567 г. священноиноком Ошевенского монастыря Феодосием.³ Житие Александра, мало исследованное и неизданное, занимает видное место среди памятников агиографической литературы XVI в. Хотя Житие было написано много спустя после смерти Александра (он жил с 1427 по 1479 г.),⁴ но оно составлялось на основании местных преданий, рассказов родственников и современников игумена. Среди большинства произведений этого жанра, составленных по традиционной схеме и изобилующих пышной риторикой, оно выделяется богатством фактических данных. Еще В. О. Ключевский назвал это Житие «превосходным по содержанию». Однако, согласно другой точке зрения, это произведение представляет лишь компиляцию отдельных эпизодов, извлеченных из житий Александра

¹ Инв. И-358. Размер 94 × 82 см. На трех основных, грубо тесанных досках, с ковчегом, с двумя односторонними сквозными шпонками. Расчищена в реставрационной мастерской Государственного Русского Музея в 1965 г. Н. В. Перцевым и И. П. Ярославцевым.

² То, что Никола изображен вместе с Александром, неудивительно. Культ Николы был очень распространен на Севере, а в самом Ошевенском монастыре главная церковь была Никольской. Житие Александра неоднократно упоминает о покровительстве Николы Ошевенскому монастырю.

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 288—289; Н. Барсуков. Источники русской агиографии, вып. LXXXI. Изд. ОЛДП, СПб., 1882, стлб. 22—23. При написании данной работы мы пользовались списками в сборниках ГПБ Q.112, Q.114, Q.116, собр. Титова 2476. Между этими текстами имеются некоторые разночтения. В ссылках на Житие мы указываем номера листов в сборнике ГПБ собр. Титова 2476.

⁴ Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836, стр. 15—16.

Свирского, Кирилла Белозерского и Сергия Радонежского.⁵ В этом споре безусловно прав В. О. Ключевский. Среди литературных памятников XVI в. вряд ли можно найти произведение, столь же богатое сведениями о различных сторонах жизни Севера, как Житие Александра. Особенно интересны известия, характеризующие северную культуру. Приведем лишь некоторые примеры. Автор рассказывает об обучении отрока Алексея грамоте в глухой деревне Вещезеро, в 60 верстах от Белозерска, «от ту сущих учителей» (л. 48 об.), а затем в Кирилло-Белозерском монастыре «у некоего дьяка разумна искусна» (л. 69), о многочисленных «писаниях» (письмах), которые Александр посылал родителям из Кириллова монастыря (лл. 64 об., 65, 99 об.). Эти сведения расширяют и уточняют наши представления о распространении грамотности и школ на Севере.⁶ В житии находим сведения о плотнике — «древodelателе» Василии, построившем в монастыре в 30—40-е годы XVI в.⁷ Никольскую церковь и, очевидно, славившемся на всем Севере, так как он был приглашен издали — «от лук морских» (л. 183—183 об.). По нашим данным, это одно из древнейших известий о северных зодчих, имена которых почти не дошли до нашего времени. Житие сообщает о существовании в те же годы иконописной артели в Каргополе (иконописец Симеон с сыном Иваном, л. 188). Предположение о Каргополе как крупном художественном центре, которое можно сделать на основании происходящих из этого края икон, получает здесь косвенное подтверждение. Из текста мы узнаем и о некоторых чертах творческого метода древнерусских иконописцев (в рассказе о Симеоне, л. 188—191).⁸

Здесь можно найти и ряд сведений, рисующих связи края с Новгородом и Москвой (лл. 101 об., 104—105, 264—270 об.), что объясняет явления, сказывающиеся в местных памятниках искусства. Наконец, в Житии содержится много чисто бытовых эпизодов из жизни иноков и мирян. Это жанровые рассказы о различных тяжбах и препирательствах, о кражах и торговых сделках, о путешествиях по быстрым рекам и глубоким северным озерам. Они воссоздают реальную обстановку повседневного быта, рисуют конкретную среду вокруг идеального героя, образуют живую плоть произведения.⁹

Икона из Кеми — единственное известное нам в настоящее время произведение, где изображено житие Александра Ошевенского.¹⁰ Уже сам этот факт придает кемскому памятнику существенное значение.

Клейма иконы расположены в строчном порядке и сопровождаются пространственными пояснительными надписями, где текст жития не цитируется, а пересказывается. Состав эпизодов следующий.

⁵ Ив. Яхонтов. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр. 89—109.

⁶ А. Н. Соболевский. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1894, стр. 4.

⁷ Здесь и в дальнейшем мы уточняем датировку событий по именам настоятелей (П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, табл. 995—996).

⁸ См. об этом: Ю. Н. Дмитриев. О творчестве древнерусского художника. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 551—553.

⁹ Эти качества древнерусской агнографии, охарактеризованные В. П. Адриановой-Перетц, очень полно проявились в Житии Александра Ошевенского. См.: В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1964, стр. 42—43, 69—71.

¹⁰ Изображения Александра Ошевенского вообще очень редки и встречены нами только в северных иконах, хотя есть сведения, что в XVII в. его почитали и в Москве. См.: Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 150—151.

1. Явление Фотинии. Матери Александра Фотинии явились во сне Богоматерь и Кирилл Белозерский и предсказали рождение сына. В этом же клейме изображены Никифор (отец Александра) и сцена молитвы Никифора и Фотинии перед иконой Богоматери. Надпись: «Явися пресвятая Богородица со святыми ангелы и с преподобным Кириллом Белозерским ... Фотинии о зачатии и о рождении святого Алексея, и указывает перст на преподобного Кирилла. Никифор же и Фотиния о видениях воздаша хвалу богу и пречистой его Богоматери».

2. Рождение Алексея. Надпись: «Рождение святого Алексея в Белозерской области в веси яже Вещезерская именуется от благочестиву родителю сущу».

3. Уход Алексея в Кирилло-Белозерский монастырь. Надпись: «Возраст же достигшу, родителя ж его хотяста браку причетати. Он же отлагает о браке и испрашается до обители преподобного Кирилла, да помолюся. Они ж завещаша ему вскоре возвратитися вспять».

4. Пострижение в иноки. Надпись: «Святой Алексей во обители преподобного Кирилла во мнишеская облачается, и вместо Алексея Александр именуется».

5. Выбор места для будущего монастыря. Александр вместе со своим отцом изображены среди холмов на берегу реки Чурьюги. Надпись: «Преподобный Александр со отцем своим Никифором по пустынну месту хождаше. Отец же его молит, да сотворит себе селитву близ наю жилища, и указывает ему место. Он же возлюбил, помолився на месте и крест водрузи».

6. Уход Александра из Кириллова монастыря (здесь изображено, как игумен вручает ему иконы Богоматери и Николы). Надпись: «Преподобный Александр молит настоятеля еже отпуститися вселитися близ жилища родителей своих. Настоятель же вдаст ему образ пресвятой Богородицы и другую чудотворца Николы и другого ему старца».

7. Посещение Александром родительского дома (по Житию, родители Александра поселились неподалеку от будущего монастыря). Надпись: «Преподобный Александр со отпущенным с ним братом приде до селитвы отца, и срете его родителя его, и радовашася. И на прежереченном месте быша, бога благодариста и келию соградиста».

8. Основание монастыря. Изображен Александр, стоящий около монастырских построек, а вдали — многочисленные иноки (рис. 1). Надпись: «Прииде преподобный Александр на прежереченное место из Великого Новаграда, и церковь воздвиже во имя Николы чудотворца, сам же на игуменство возведен. Потом же прихождаше к нему ин отинуду и теж ... совселюхуся с ним. По некое же время инок таж от него отлучися (неразб.)».

9. Погребение Никифора и Фотинии. Исцеление Александра явившимся ему Кириллом Белозерским. Надпись: «Преподобный Александр в болезнь впа. Преподобный Кирилл явися ему во сне, и абие исцелися недугу. По сем же родителя его жития сего... (далее неразб.), и слыша преподобный погребе их сам».

10. Преставление Александра. Надпись: «В пятьдесят второе лето достизает, преставися преподобный Александр, от начала мира 6987 (1479), месяца априля в 20 день. По преставлении преподобного сетование в брании бысть».

11. Пожар в монастыре («видение старца Герасима»). Изображены загоревшиеся кельи, иноки с баграми, Александр, окутывающий церковный шатер своей мантией. Надпись: «Во обители преподобного Александра прилучися загоретися келии. Изыде же мних Герасим на предкелие, слеп

сый, и видит на церкви преподобного Александра стояща и шатер одевающа мантиею».

12. Обличение татя. Надпись: «Преподобный Александр обличи татя, укравшего монастырское серебро. За мостом изобличен бысть».

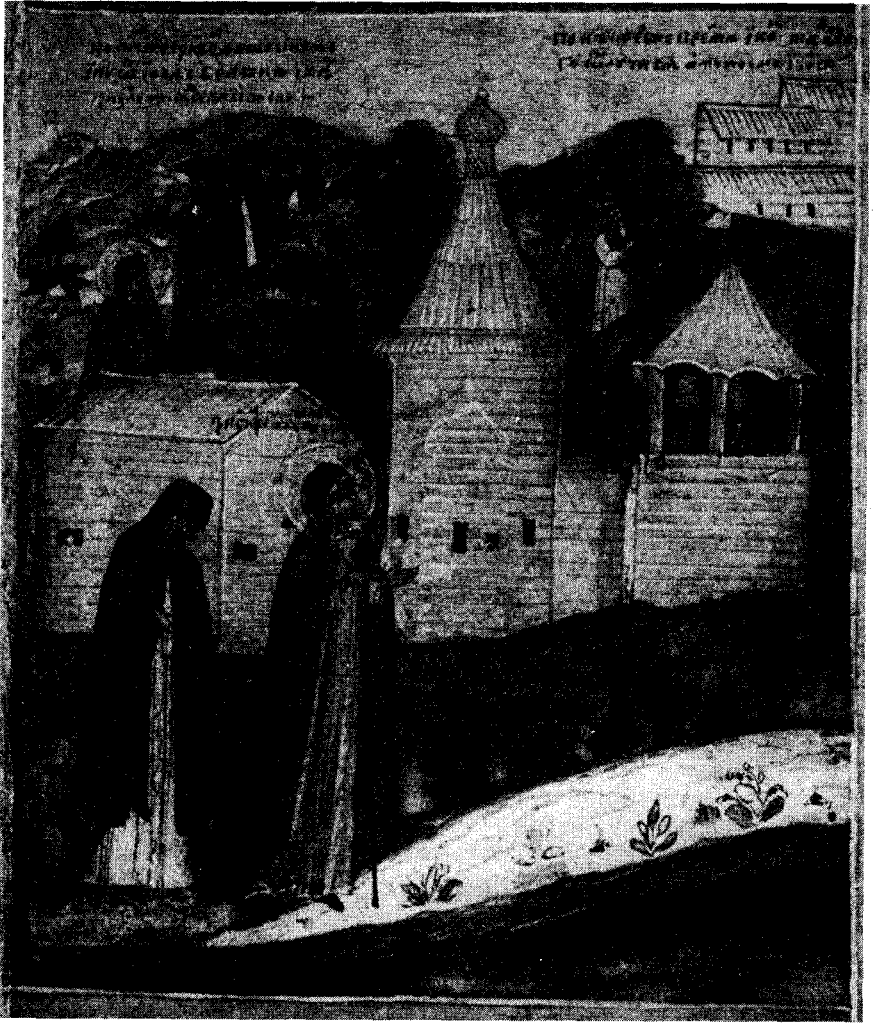

Рис. 1. Александр Ошевенский у основанного им монастыря. Клеймо житийной иконы Александра Ошевенского из Кемь. XVII в. (Музей изобразительных искусств Карельской АССР в Петрозаводске, инв. № И-358).

13. Исцеление немого Стефана у гроба Александра. Надпись: «У некоего человека именем Стефана, 7 лет пребысть безъязычен, отрезан бысть язык. На праздник святителя чудотворца Николы возглагола отрок, и во устах язык цел бысть молитвами преподобного Александра».

14. Исцеление сухорукого попа Игнатия у гроба Александра. Надпись: «Преподобный Александр исцели Игнатия попа изломленную руку, в здравие устрой».

15. Феодосий составляет Житие Александра (рис. 2). Он изображен в келье склонившимся над свитком. В этом же клейме представлено явление Александра Феодосию. Надпись: «Священноинок Феодосий вос-

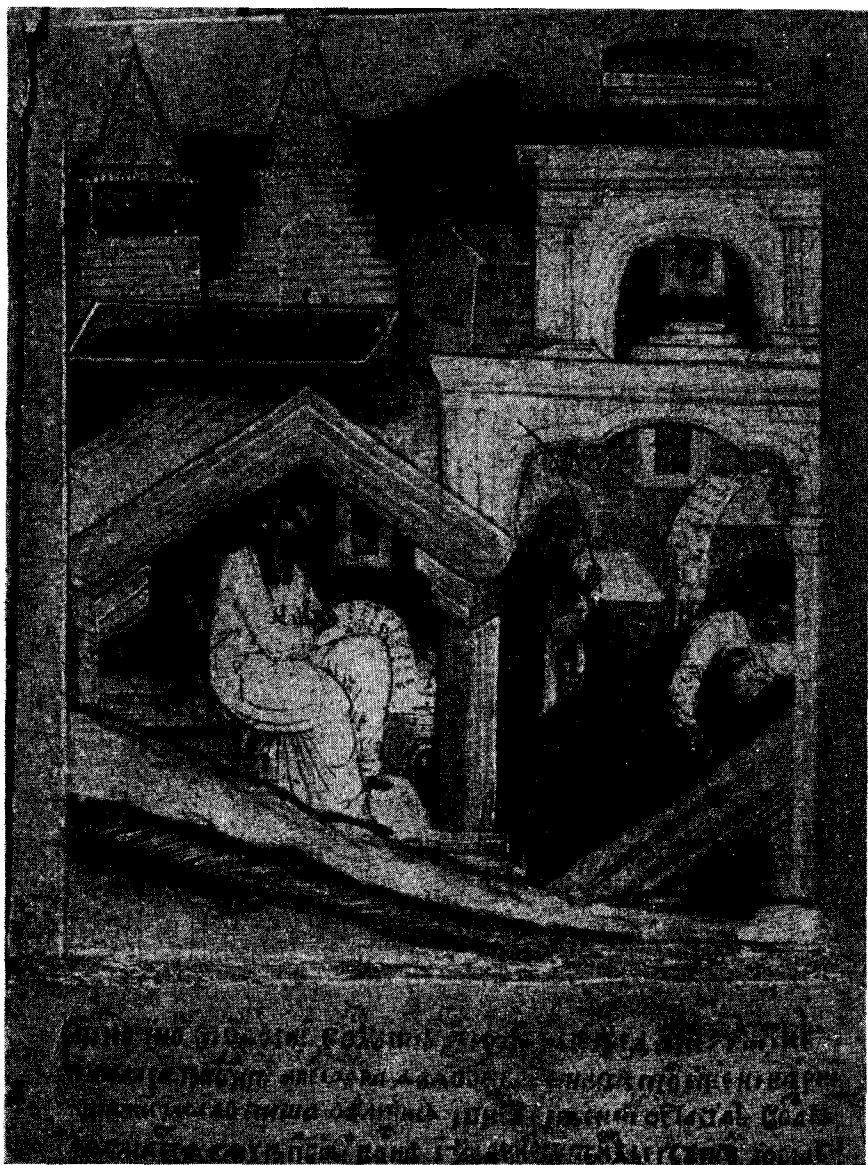

Рис. 2. Феодосий сочиняет Житие Александра Ошевенского. Клеймо житийной иконы Александра Ошевенского из Кемь. XVII в. (Музей изобразительных искусств Карельской АССР в Петрозаводске, инв. № И-358).

хоте писанию предати житие и чудеса преподобного Александра. Дьявольным же наветом еще неверием одержим, и мало пища, обленися, и в небрежении оставль, возляже, и является ему преподобный во сне, и ударяет трижды прутом, и ослабе рука его десная, и рече: почто начал еси...» (далее утрачено).

16. Исцеление Феодосия у раки Александра (рис. 3). Надпись: «Священноинок Феодосий приходит ко гробу преподобного Александра, и припадает со многими слезами, прощения прося. По тех же неделех пода ему господь, молитвами преподобного Александра устроися рука его здрава».

Рис. 3. Феодосий у гроба Александра Ошевенского. Клеймо житийной иконы Александра Ошевенского из Кемь. XVII в. (Музей изобразительных искусств Карельской АССР в Петрозаводске, инв. № И-358).

Как видно из приведенного перечня, выбор сцен гораздо более традиционен и каноничен, чем сам текст Жития. Состав клейм обычен для житийных икон «преподобных» основателей монастыря. Это рождение и детство будущего святого, иночество, основание монастыря, преставление, посмертные чудеса. С точки зрения сюжетов клейм обращают на себя внимание лишь две последние сцены, где представлен сочинитель Жития

Феодосий. Это весьма редкий в иконописи «портрет» древнерусского писателя, трактованный, правда, довольно условно.

Однако в клеймах есть особенности, благодаря которым икона даже при самом беглом рассмотрении не может быть отнесена к числу заурядных, канонических изображений. Это прежде всего необычайно тщательное изображение монастырских зданий: шатровой церкви, звонницы с подвешенными колоколами, бревенчатых келий, виднеющихся вдали деревянных изб. Переданы даже такие подробности, как лемеховое покрытие главы церкви и дощатая кровля шатра, бочечная форма завершения алтаря, характер повала и полицы, узкие волоковые окна у изб и келий и широкие у церкви. Правда, хотя изображения и выглядят очень убедительными, они все же не являются точным воспроизведением построек Ошевенского монастыря. Если восстановить по тексту жития историю монастырских построек,¹¹ то оказывается, что, кроме церкви Николы, созданной еще при жизни Александра, при игумене Максиме (1489—1535), была выстроена вторая, Успенская, церковь (л. 171—171 об.).¹² Никольская церковь изображена шатровой, какой она и была в действительности (см. л. 172 об.). Но художник ни разу не показал второй, Успенской, церкви, хотя действие последних сцен происходит уже после ее сооружения. Рост монастыря, усложнение его архитектурного облика мастер изображает особым способом: если в сценах до смерти Александра шатровый храм имеет простую композицию (очевидно, это идущий от самого низа восьмерик, увенчанный шатром), то во всех последующих клеймах представлена ступенчатая, ярусная композиция здания. Из анализа архитектурных фонов клейм следует, что художник не скопировал «с натуры» вид монастыря,¹³ но лишь передал его общий образ и отдельные подробности зданий.¹⁴

Тем не менее «палатное письмо» в данной иконе чрезвычайно насыщено реалистическими элементами. Только в искусстве Севера, всегда тяготевшего к конкретности и определенности изображения, можно найти столь яркую правдоподобность образа и точность деталей архитектурного

¹¹ Сейчас монастырских зданий не существует. Осталась лишь кладбищенская Богооявленская церковь, сооруженная в 1787 г. — Известия Археологической комиссии, вып. 52, СПб., 1914, стр. 161, рис. 44—45 на стр. 162.

¹² Затем обе церкви несколько раз перестраивались: Никольская возведена заново при Вассиане (1535—1540, лл. 182—187), Успенская спустя несколько десятилетий (около середины XVI в.) сгорела и была сооружена вновь (л. 267), а вскоре опять сгорела обе церкви и были выстроены еще раз (л. 267—277).

¹³ О сочетании реальных и фантастических моментов архитектурных изображений в древнерусской миниатюре см.: Т. Сидорова. Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр. — Архитектурное наследство, вып. 10, М., 1958, стр. 73—100.

¹⁴ Аналогичное явление наблюдается в нескольких иконах «северных писем» XVII в., с изображениями святых у основанных ими монастырей. Это известная икона Александра Свирского из собор. Н. П. Лихачева в Государственном Русском Музее (воспр.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1902, табл. 567), икона Антония Дымского в Петрозаводском музее (воспр. детали: Живопись древней Карелии. Каталог выставки. Составлен Г. В. Жаренковым и С. В. Ямшиковым. Петрозаводск, 1964) и происходящая с севера икона Кирилла Белоозерского (ее нынешнее местонахождение нам неизвестно, фотография хранится в фотоархиве Ленинградского отделения института археологии, ф. Н. П. Сычева, № Q.811.9). Во всех трех иконах очень убедительно показаны сложные комплексы деревянных построек — шатровые церкви, колокольни, ограды, кельи и т. д. Но если в Дымском монастыре можно предположить существование в древности многочисленных деревянных построек, то ни Александрo-Свирский, ни Кирилло-Белоозерский, как известно, никогда не имели такого облика, довольно рано обстроившись каменными зданиями. Эти изображения, очевидно, плод творчества художника; в них передан не точный вид данного комплекса, а обобщенный образ северного монастыря.

стаффажа. Среди известных сейчас произведений северной живописи икона из Кемь является в этом отношении одной из наиболее показательных.

Эти черты иконы Александра Ошевенского находятся в соответствии с особенностями ее художественного образа. Клейма ее с изображениями скромных монастырских построек на берегу северной реки, с простыми и уравновешенными композициями, немногочисленными, но метко и живо переданными сценами, сдержанными жестами фигур, неярым колоритом обладают особой поэтичностью и непосредственностью. Здесь ощущается словно переключка между наивно-реалистическими моментами в Житии и аналогичными особенностями в иконе. Связи между литературной основой и изображением не ограничиваются простой иллюстрацией сюжета. Они более глубоки и касаются самого существа художественного образа обоих произведений.

Агиографические сюжеты сыграли особую роль в истории живописи русского Севера, особенно в искусстве Заонежья — края, с которым была связана Кемь и беломорское побережье. Житийные иконы, до XVII в. изготовлявшиеся здесь довольно редко, в этом столетии получают очень широкое распространение. Местное искусство, развивавшееся особыми путями, почти не восприняло общерусских стилистических новшеств XVII в. Дух новой эпохи сказался в нем иначе, чем в искусстве иных областей. Северные художники, сохраняя прежнюю строгость и лаконичность изображений, стремятся в это время к более свободной трактовке сцен, к передаче жанровых моментов, эпизодов местного северного быта, деталей архитектуры и пейзажа, многочисленных «реалий». Именно житийные сюжеты открывали для этого самые широкие возможности. Житие Александра Ошевенского с его живым рассказом о северном крае как нельзя более соответствовало художественным устремлениям местных мастеров XVII в.
